

Манифест доммашины. К 55-летию со дня последнего заплыва Ле Корбюзье

Архитектура и строительство №1 (212) 2010 г.

Игорь Морозов

Самый болезненный и мучительный вопрос, исходящий из глубины сердца: где мне почувствовать себя дома?

А. Камю

Вместе с массовым производством автомобиля с витиеватых переулков Модерна архитектурная идея и практика также вырывается на Магистраль. Она уверенно, безоглядно следует прямым курсом – к полной победе “здорового смысла” – культура, бесспорной целесообразности, откровенного прагматизма. Всякое сомнение в его истинности – глупость: “Прямая улица – дорога людей. Кривая улица – дорога ослов”. Так, коротко и ясно, французский архитектор Шарль Эдуар Жаннере, взявший себе лаконичный псевдоним Ле Корбюзье, отвечает на вызов “машинного века”.

Молодой и амбициозный, он становится своеобразным регулировщиком и ускорителем “современного движения” в архитектуре, преисполненного радужными посулами индустриального общества. Его концепция “серийного домостроения” сопровождается прямо-таки мессианскими откровениями: “Начинается великая эпоха. Возникают новые веяния. Индустрия, нахлынувшая, словно бурный поток, принесла с собой новые орудия, приспособленные к этой новой эпохе... Глубоко потрясенная общественная машина нуждается в переделке поистине исторической, иначе ее ждет гибель” (1923).

Его волнует судьба человека, обездомленного и мировыми войнами, и неповоротливой отсталостью инженерно-строительного дела. “Проблема жилища – первая из всех проблем... Жилище – это ключ ко всему”. А ключ к жилищу – ключ от зажигания опять-

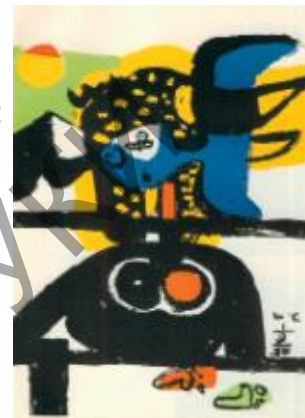
таки механизации, безупречной рационализации всей архитектуры как целенаправленного и бесперебойного механизма с ориентацией на анонимного, обезличенного, статистически усредненного, “одномерного человека” (Г. Маркузе).

Сия модернистская парадигма упрощала теоретические поиски архитектора, всецело выводя их в сферу функционально-типичного. “Создать дом для обыкновенного, “нормального” человека – это значит определить характер его потребностей... найдя типичные для всех людей потребности, функции и эмоции”. Остальное представляется еще более очевидным. “Типовые потребности, типовые функции – следовательно, типовые

предметы”. Многозначительным символом этой уплощенности “современной архитектуры” становится “Модулер”, демонстративно опечатавший плоскую и серо-бесцветную стену “Марсельской жилой единицы” (фото 1). Он легко укладывается в прокрустово ложе функционально-конструктивной “правдивости” и примата ортогонального пространства над формой. Такого, как на пуристических полотнах-манифестах Корбюзье, идейного борца с “украшательским лицемерием формы” – упрощенные, экономичные силуэты вещей повседневного быта (фото 2). Такова и мебель-манифест – опять же предельно рационально-серийная (фото 3).

Наконец, и жилые дома становятся анонимными, буквально лишенными почвы под ногами и проникают куда угодно, как распространенные ныне серийные внедорожники (фото 4, 5). Ибо “дом – машина для жилья”, причем “машина быстрая, способная удовлетворить наши потребности в комфорте”. А для этого она должна пренебрегать привязанностью к месту и подмять под себя природу. Ведь “нас стесняет природная среда, с которой мы боролись и боремся всякий день”. Отсюда деятельность архитектора обретает агрессивно наступательный характер, ибо осуществляется в “сфере враждебной нам природы”, “в желании овладеть ею” (1926). И только потом уже, как бы между прочим, дом – “место, пригодное для размышлений, и, наконец, красивое место, где нашему уму создается столь необходимый ему покой”. Покой для ума, дабы, как надо понимать, отдохнув, вновь ринуться на завоевания. Тогда зачем Машине искусство, красота?

“Я не утверждаю, что искусство насытит весь мир, я говорю только, что в некоторых умах дом должен вызвать чувство красоты”.

Лишь в “некоторых”! Притом что и красота предполагается новая, машинизированная – четко геометризованная. Поскольку именно эвклидова геометрия “является материальным воплощением символов, выражающих все современное, возвышенное... Машина идет от геометрии. Следовательно, человек нашей эпохи своими художественными впечатлениями обязан в первую очередь геометрии”. Значит, и архитектор обречен на ортодоксальность исканий. “Прямой угол есть необходимый и достаточный инструмент для работы...”

Отсюда неотступно прямой, как и хотелось, путь к массовому строительству и фактически массовой архитектуре. Предтеча ее, первенец – проект “дома Ино” (1914), вся структура которого – опоры и три железобетонные плиты открыли перспективы индустриально-типового жилища. С него и началась революция, означавшая необходимость “вырвать из своего сердца и разума застывшее понятие дома” – “придти к дому-машине”. Ей служили “дома-манифесты”, “жилые единицы”, штампуемые, сходящие с конвейера подобно машинам (фото 6). Тем не менее, это были не машины для мировых войн, а для мирной, следовательно, вполне счастливой жизни. Уже только это выказывает, что Корбюзье не был ослепленным пленником прагматичных потребностей и “прозы жизни”, бытовой, серой повседневности. “Не одна только практическая польза, но духовное богатство, улыбка и красота – вот что поможет архитектуре принести радость человеку новой машинной цивилизации” (1936). Для этого надо быть художником, поэтом. “Мои искания,

так же как и мои чувства, сводятся к одному, к главному в жизни – к поэзии” (1959). Он и вправду был поэтом, конечно, футуристическим, новаторским, ибо такова была поэзия машинной цивилизации, вознамерившейся “загнать клячу истории” (В. Маяковский).

По-своему он был верующим – в созидательный, инженерный гений человека, в чудотворность научно-технического прогресса. Поэтому и стал идейным вдохновителем, миссионером новой эпохи в архитектуре, неся благую весть, “евангелие от Корбюзье” – Афинскую хартию, самобытное “священное писание” для зодчих во всем мире. Оно преисполнено послевоенным оптимизмом и, как ни суди, верой в панацею серийного домостроения. Поэтому понятна та веселость, что связывалась с его произведениями, или Корбю. На открытии музея, сооруженного в Швейцарии по его проекту (1967), родной брат, композитор Альбер Жаннере, произнес своеобразную эпитафию: “От Лозанны до Цюриха попадалось мне множество выросших из земли Корбю – гармоничных, подтверждающих успех его принципа сочетания горизонтали и вертикали... Они действительно – молодость, веселая и улыбающаяся...”

Неудивительно, что эта идеология была с восторгом воспринята в СССР, когда послесталинская социальная и культурная перестройка проходила, можно сказать, под знаком массового жилищного строительства. Как Корбюзье изживал утяжеляющий “машину” декор, так и у нас началось “гонение на ведьм” – “борьба с излишествами”, ставшая фактически партийной программой, то есть законом. Тем не менее портрет Корбюзье можно было встретить не только в архитектурных мастерских, но и во многих коммуналках, общежитиях, где обреченно не решался пресловутый “квартирный вопрос”, где вообще мечтали о свободе духовного пространства. При этом, видимо, вспоминали, что Корбюзье еще до войны демонстративно порвал активное сотрудничество с советскими властями как раз по причине несовместимости его воззрений с идеологией и практикой тоталитаризма.

Впрочем, и этот порыв, как и многое тогда, довели до абсурда. Успели, как потом горько иронизировали, совместить ванную и туалет; не успели разве что соединить потолок с полом. Правда, для очень многих эта неказистая, примитивная, паллиативная, но своя крыша над головой стала удовлетворением острейшей потребности. Следовательно, “хрущевки” становились зримым, осязаемым воплощением ускоренного продвижения к коммунизму, реализации его столь заманчивого, а по сути, деградирующего принципа: “...каждому – по потребностям”.

Более того, у большевистского режима после краха всеобщего страха серийное домостроение стало новым, а главное, вынужденным идеологическим оружием – оно стало реально массовым средством психологического воздействия, управления народом, превратив его в толчею лояльных очередников. Попутно запрещались загородные дома на свои средства и вкус, разве что садовые домики для инвентаря – дабы и духа не было “собственника”, а значит, самостоятельно мыслящей личности.

Меж тем была еще одна глубинная, возможно, не осознаваемая в полной мере даже вдохновителями и проводниками совмассарха

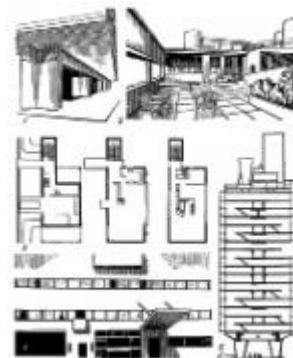
“бомба” замедленного действия. Унылые пятиэтажки, “счастье” по распределению, плодили в людях такую же унылость, безразличие, подспудное отчаяние навсегда остаться на этой зияющей “вершине мечтаний”. Не отсюда ли губительный “застой” и всеобщее лицемерие? Доброта, гуманизм и задушевность “шестидесятников” были, между прочим, воспитаны в домах, возможно, менее комфортных, но самобытных, обжитых, по-своему неповторимых. Следующее, более индифферентное к разнообразию “серийное” и сериальное поколение так и не дало подобного взлета духовности, разве что надрыв, взалкавший перемен.

Как бы то ни было, многие наши нынешние социальные пороки, невиданные ранее деструктивные явления, жестокость, озлобленность, безразличие, отчужденность, апатия, получается, родом из детства и акселерации индустриального домостроения. Хотя нет, по многим причинам просто не может быть убедительных исследований, обнаруживающих эту зависимость, но, значит, и опровергающих ее тоже нет. По крайней мере, там, где не прокатилась серийная, серая и холодная ж/б-машина – в малых городах, селениях, – люди сохранили былую доброту, приветливость. Изменяют ли мир художники, исправляет ли мир красота – можно бесконечно дискутировать. Но архитекторы просто призваны его изменять – и буквально, и формированием представлений о судьбе, должном порядке, и попыткой ответить на сокровенный вопрос, обострить чувство Дома во всей его феноменально-духовной полноте. Правда, далеко не все во власти архитекторов. К тому же и их воззрения, художественное мастерство испытали молох серийности, от чего они до сих пор не могут оправиться.

Сегодня Корбю первого советского образца – самые, мягко говоря, невзрачные и непопулярные постройки в наших городах (фото 7). Где-то их уже без сожаления сносят. И в голову не приходит наградить их охранительной шильдой: “Памятник жилищного строительства второй половины XX века”. Они выхолостили, издеваются над “отправными точками новой архитектуры”, с помощью которых Корбюзье вознамерился перевернуть весь мир: здание на столбах-опорах, плоская крыша-сад, свободная внутренняя планировка, вовлекающие их обладателей в “искусство организовывать пространство” (фото 8). Но и это не самое важное, ведь в глубине своей сущности корбюзьеанства сводилась не к чистоте форм, не к механическому высвобождению пространства, но к чистоте взаимоотношений людей, к их социальному и творческому высвобождению. Эта демократичность на первых порах негласно вдохновляла наших архитекторов, поверивших убеждениям в “гуманизм советской архитектуры”. Вот только на практике их быстро урезонивали “актуальные задачи строительства коммунизма” и опасливое молчание лояльного очередничества.

...У советских архитекторов (в том числе и у меня), которые еще не знали даже слова “евроремонт”, истый шок вызвали видеоролики на софийском архитектурном биеннале “Интерарх-85”: в полной тишине новые, с иголки, созданные отточенным евростроительством дома один за другим... взрывались. Причем самими же создателями. Не менее ошеломили комментарии к этой загадочной экзекуции. Оказывается, забывшие послевоенные очереди европейцы... отказывались в них вселяться. Не помогали кредиты, рассрочки, прочие преференции. Нет – и всё тут. Лучше

мы подождем, признавались отказники, поднакопим, но будем жить не в типовой этажерке, “корбюзьевке”. Ибо мы уважаем себя, мы – не машины, машины – не мы, и нам нужны не боксы, многоячеистые “жилые единицы”. Мы хотим жить в Доме, конечно, удобном, биологически комфортном, хорошо бы экономически доступном, но обязательно в красивом, неповторимом, да еще в понравившемся месте...

Фактически это был окончательный приговор ортодоксальному корбюзьеанству. Поскольку действительно типичная и притом сугубо человеческая потребность – в счастье. А оно у всех разное, как и душевный комфорт, удовлетворенное чувство Дома, до неузнаваемости обогащенное вызревшим восстанием против однотипного “воспроизводства того же самого в бесконечном процессе отождествления” (Ж. Бодрийяр).

Новые миллионы квадратных метров – показатель для жилья, конечно, очевидный, впечатляющий, сопоставимый, но для нашей современной архитектуры, страны в целом уже отнюдь не абсолютный, по крайней мере, не довлеющий, долженствующий настраивать не на разнос, а на принципиальную модернизацию строительной машины, да и машинного мышления в целом. Нельзя же сказать, что ныне у нас положение с жильем подобно послевоенному, в корне исправить которое бралась Афинская хартия (1945). Сейчас серийный домострой отнюдь не только буквальное решение “квартирного вопроса”. Нередко, учитывая “романсы”, которые невзначай поют нам госфинансы, это выгодное вложение денег, попросту объект махинаций и спекуляций.

К тому же, проектируя массовое, высотное, как представляется – наиболее выгодное, индустриальное жилье, уместное разве что для столицы, мы невольно спровоцируем дополнительный поток “беженцев” в Минск со всей страны. Подобное наблюдалось, например, в Болгарии, большая часть населения которой ринулась под серийный кров в Софию. А от нее через всю страну, к побережью моря – опустевшие, словно при всеобщей эвакуации, большие и малые селения. Добротные каменные дома под живописной черепицей и даром никто не хочет брать. Труднообратимый и, как оказалось, губительный процесс. Где сейчас Болгария в европейском рейтинге социально-экономического преуспевания...

То есть проблема Дома – проблема градостроительная, более того, общенациональная. Почему и требует она особой мудрости, семиразовой взвешенности, дабы не скупиться, чтобы не платить дважды. А то и трижды – за духовное возрождение, и тем более процветание. Так что сегодня наша перспективная дорога должна быть по-человечески прямой – от унизости “доступного жилья” к гордости жилья “достойного”. И подвижки в этом направлении уже можно проследить – первые конструкции и образцы вполне обширных квартир со свободной планировкой, способной удовлетворить многие домоустроительные запросы и чутко подстраиваться под вкусовые и демографические изменения. Не про то ли “свободная внутренняя планировка” Корбюзье?

Конечно же, обнадеживает и постепенное понимание ненужности, невыгодности высотного массового домостроя. Вдохновляет возвращение некоторыми нашими мастерами виртуозности даже в индустриальном домостроении, что личным примером

пропагандировали многоликое Корбю. Радуют оживающая колористика серийного домостроя, пусть даже еще квазипуристическая, а также обилие проектов и комплексных новостроек индивидуальных городских домов, что привечают и собственную крышу-сад и, главное, запускают развивающий принцип: “каждому – по способностям”. Тут же и проект развития малых городов, создания городов-спутников. При мудром использовании диалектики Корбюзье – поиск оптимальных решений на злобу дня-эпохи, но во имя перспективности Человека – они способны, помимо всего прочего, пересмотреть и концепцию столичного жилья. Неспроста же “проблема дома” в контексте Афинской хартии неразрывно переплетается с градостроительными проблемами, городами-манифестами. Понятно, той же, “машинной цивилизации”, породившей “лучезарные” градоутопии. Так что и они учат не ломиться напрямик, но искать и обходные, кружные, всякий раз гибкие и поэтому жизнестойкие пути.

Корбюзье доставало ума, прозорливости, самокритики – понимания “сверхутопичности” голого строительного прагматизма, примитивно понимаемой “пользы вместо красоты”. Это доводило до абсурда, делало ущербным творческое корбюзьеанство в целом. Поэтому он, в конце концов, стал его отступником. Тем, кто приписывал ему “собственный стиль”, решительно “угрожал”: “Вот я им покажу нечто новое: торжество наклонной линии, которая то победно и легко взмывает вверх, то как бы с улыбкой свергается вниз в легком слаломе”. Получается, сворачивает на атипичную “дорогу ослов”, где и находит экспрессию, драматизм, жизненность, не изменяя, однако, функциональной продуманности. Капелла в Роншане (1953) – уже не сборочный Корбю, а своеобразный машинный антиманифест. Пусть не жилье человека, а Дом Бога, но его уже никто не наречет машиной (фото 9–11). В сени ее мистического света мессия машинной цивилизации наверняка вспоминал свои ранние размышления, где источался не собственно прагматизм, а забота о Человеке, его Месте в Бытии. И – как покаяние и завещание: “Рождение новой цивилизации отмечается одной основной задачей: созданием жилищ, соответствующих важнейшему явлению в жизни Вселенной – взаимосвязи человека с природой” (1964).

Осенью следующего года, оставив на Лазурном Берегу свои повидавшие виды очки-колеса, он заплыл, как обычно, очень далеко в море и не вернулся – сдало сердце. Вот только не сдался дух романтика, персонифицированного манифеста машинной эпохи, предопределившего кривой, поэтому и человеческий вектор развития архитектуры. Своим последним, возможно, символично самым дальним заплывом он, конечно же, раздосадованный профанацией, извращениями своих идей, словно высвободил творческое пространство для реализации новых исканий в домостроении. Ведь феномен Дома не закостеневаает. “Проблема дома – это проблема эпохи”. А она, даже машинная, не вечна, ее идеалы так же, как и металл, стареют. Следовательно, и миссия архитектора подлежит периодическому пересмотру. “Первая задача архитектуры в эпоху обновления – произвести переоценку ценностей, переоценку составных элементов дома” (1923).

Очередной эпохе обновления, которую еще называют постмодернизмом, естественно, потребовался собственный – постманифест и... Он не заставил себя ждать.

Литература

1. Архитектура Запада и мир искусства XX века. – М.: Стройиздат, 1990.

2. Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. – М.: Прогресс – Традиция, 2001.
3. Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – М.: Прогресс, 1977.
4. Тасалов, В.И. Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. – М.: Наука, 1979.
5. Фремpton, К. Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития. – М.: Стройиздат, 1990.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ